

С.В. Стахорский

Пимен

ПИМЕН — центральный персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), монах-летописец Чудова монастыря, «старец кроткий и смиренный», под началом которого состоит молодой инок Григорий Отрепьев, будущий Самозванец. Материал для этого образа (как и для других) Пушкин почерпнул из «Истории государства Российского» Н. Карамзина, а также из эпистолярной и житийной литературы XVI в. (Например, рассказ Пимена о кончине Федора Иоанновича основан на сочинении патриарха Иова.) Пушкин писал, что характер Пимена не есть его изобретение: «В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях». К этим чертам поэт отнес умиленную кротость, простодушие, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность в отношении к власти царя, данной от Бога.

Пимен — герой одной сцены, пятой картины трагедии. Роль Пимена относительно невелика. Однако функция этого персонажа в развитии сюжета, в сцеплениях идей, образов — важна и значительна. Коллизия трагедии в сцене с Пименом получает существенные прояснения. Из рассказа Шуйского в первой картине известно о цареубийстве, совершенном в Угличе, назван его виновник — Борис Годунов. Но Шуйский — свидетель косвенный, заставший на месте событий «свежие следы». Пимен — единственный среди персонажей очевидец, видевший своими глазами зарезанного царевича, слышавший собственными ушами, как «под топором злодеи покалялись — и назвали Бориса». Для Шуйского гибель Дмитрия тривиальна, как всякое политическое убийство, коим нет числа. В тех же понятиях мыслит и Воротынский, хотя его реакция более эмоциональна: «Ужасное злодейство!» Совсем другая (по тональности, по смыслу) оценка Пимена: «О страшное, невиданное горе!» Страшным и невиданным это горе является потому, что грех Бориса ложится на всех, к нему все оказываются причастными, ибо «владыкою себе цареубийцу мы нарекли». В словах Пимена не просто нравственная оценка, в которой нельзя отказать самому Годунову (муки совести терзают и его). Пимен судит бытийственно: преступление совершил один человек, а держать ответ надо всем. Предстоит невиданное горе, идущее на Русь, «настоящая беда государству московскому». («Комедия о настоящей беде государства московского...») — одно из черновых названий пушкинской трагедии.) Пимен еще не знает, как проявится это горе, но его предчувствие делает монаха милосердным. Поэтому он наказывает потомкам быть смиренными: пускай они, помяная своих царей, «за грехи, за темные деянья, Спасителя смиренно умоляют». Тут обнаруживается существенное отличие от «суда» Юродивого, отказавшего Борису в молитве. Симметрия этих образов, Пимена и Юродивого, давно замечена и исследована, в частности, В. Непомнящим. Однако близость персонажей не означает, что они одинаково выражают «глас народа», «глас божий». Реализм Пушкина в том и состоит, что каждый его герой имеет собственный «глас».

Драматургия сцены в келье Чудова монастыря строится на контрасте спокойствия Пимена (постоянный эпитет: «минувшее <...> спокойно и безмолвно», «его спокойный вид», «спокойно зрит на правых и виновных») и смятения Григория, чей «покой бесовское мечтанье тревожило». В продолжение всей сцены Пимен старается убедить Отрепьева в тщетности мирских утех и в блаженстве иноческого служения. Однако его воспоминания о весело проведенной молодости, о шумных пирах и боевых схватках только распалют воображение Григория. Рассказ же о Дмитрии, особенно неосторожное упоминание — «он был бы твой ровесник», — провоцируют «чуждую мысль», которая определит дальнейший ход событий. Пимен как бы производит Григория в самозванцы, причем совершенно непреднамеренно. В теории драмы такое действие называется

перипетией (согласно Аристотелю, «переменой делаемого в противоположность»). Вследствие перипетии завязка трагедии затягивается в драматургический узел.

В опере М. Мусоргского «Борис Годунов» (1868–1872) роль Пимена была расширена. Ему композитор (и автор либретто) передал рассказ Патриарха (пятнадцатая картина трагедии — «Царская дума») о чудесном прозрении слепого пастуха перед гробом царевича Димитрия. В опере этот рассказ следует после сцены с Юродивым (в трагедии — перед ней) и становится последним ударом судьбы, карающей детоубийцу.

Самые знаменитые исполнители роли Пимена — И. Самарин (Малый театр, 1880), В. Качалов (МХТ, 1907); в опере — В. Петров (1905) и М. Михайлов (1936).